

Стокгольмский синдром левого движения

Кирилл Мартынов

Ни один разговор о политике в современной России не обходится без упоминания государства. Мы склонны обвинять государство во всех наших бедах и одновременно требовать от него немедленного решения всех наших проблем. Подобные настроения широко распространены в обществе, они затрагивают практически все основные социальные группы (за исключением разве что немногочисленных предпринимателей, предпочитающих в целях самосохранения в основном действовать непублично). Социологические опросы демонстрируют, что отношение граждан России к государственной власти глубоко амбивалентно: государству не доверяют, его боятся, но одновременно на него возлагаются практически все надежды.

Возможно, самый яркий сюжет такого рода за последнее время – это стремительный визит премьер-министра Путина в Пикалево, где местные заводы встали из-за нерадивости частных собственников, оставив людей без зарплат. Путин в данном случае является архаическим олицетворением государства как вотчины государя. С ним жители моногорода связывали свои поиски правды, от него получили спасение. Принципиально здесь то, что никаких иных инструментов регулирования, решения социальных проблем

в российском обществе сегодня просто нет. Последний тезис является, по сути, предметом общественного консенсуса и действует повсеместно. Лишь государство уполномочено решать проблемы – это утверждение, сформулированное, как правило, имплицитно, никого не смущает. На противоположном полюсе от Пикалево находится, например, майор Дымовский, методично записывающий свои обращения к главе государства, переходя в них от жалоб к угрозам.

Примеры такого политического инфантилизма, настойчивого желания спрятаться за мощную государственную спину можно приводить бесконечно. Наше общество не мыслит себя без государственных костылей, и это, на мой взгляд, является его – или точнее нашим – главным симптомом. Никто не желает брать на себя ответственность. Никто не хочет решать своих проблем. Никто не пытается осознать и сформулировать свои коллективные интересы и сообща отстаивать их, защищая, в том числе от посягательств вездесущей власти суверена. Следствием этого становится государственная монополия не только на узаконенное насилие, но и на выражение мнений в средствах массовой информации, контроль над ресурсами, перераспределение благ (и, в

частности, на пресловутую национализацию убытков) и ограничение гражданских прав. Такое положение вещей, появление авторитарного политического режима, выглядит естественным в абсолютно пассивном обществе, где единственной мотивацией для возвышения голоса «простым человеком» является очередная жалоба властям. Наш диагноз предельно прост: речь идет не просто о патернализме, но о патернализме систематическом и тотальном, который делает нас заложниками государства. Привыкнув к своему положению, мы развиваем в себе стокгольмский синдром, симпатию к террористам.

Такова печальная картина нынешней российской действительности. Эффективные действия государства при этом являются, скорее, пропагандистским механизмом, использующимся для консолидации общества, чем реальной практикой. Для успокоения масс день за днем воспроизводятся знакомые информационные паттерны: прилетит министр чрезвычайных ситуаций и прекратит катастрофу, взяв риск и ответственность на себя, выступит премьер-министр и наведет порядок, президент создаст очередной нацпроект, который будет надежно защищен от рейдеров. Однако в реальности государство слабо и беспомощно, раздираемо противоречиями внутри правящей элиты, а «вертикаль власти» существует и функционирует лишь тогда, когда это выгодно всем заинтересованным сторонам.

Вспомним, как совсем недавно

президент Медведев был вынужден предлагать поправки в уголовно-процессуальный кодекс, согласно которым граждан, подозреваемых в мошенничестве, нельзя арестовывать. Зачем это потребовалось Медведеву? Ведь во всем мире мошенники, как правило, находятся во время следствия под арестом: ведь иначе они могут повлиять на ход расследования, используя свои «профессиональные» навыки и связи. Суть предложений Медведева сводилась к тому, что он пытался защитить предпринимателей от произвола со стороны российских правоохранительных органов, использующих уголовное судопроизводство для давления на неугодных и не желающих «делиться» бизнесменов. У президента не было для этого иного механизма кроме предложения законодательного запрета арестов. О каком сильном государстве мы можем говорить, когда верховная власть лишена возможности контролировать политику своих силовых ведомств? В России эффективная государственная политика существует лишь на гербовой бумаге, да еще в зоне личных хозяйственных интересов тех или иных представителей власти.

Однако когда жители Пикалево становятся заложниками государства, это понятно и простиительно. В конце концов, в России существует вековая традиция ожидания барина, который придет и рассудит. Хуже, когда в той же логике начинают рассуждать и действовать левые интеллектуалы и активисты. Мой основной тезис заключается в том, что провалы актуальной левой

политики в России носят не случайный и не тактический характер, но обусловлены систематическим идеологическим дефектом в мышлении, заставляющим левых постоянно апеллировать к государству, фиксируя его бездействие и вину за это бездействие, призывая активнее вмешиваться в нашу жизнь. Речь, конечно, не идет об анархистах, которые, по крайней мере, в этом пункте сохраняют верность идеалам. Однако традиционные марксисты, чей опыт с неизбежностью обусловлен существованием советского государства, мыслят именно в этой логике. Пора, наконец, понять, что СССР больше нет и что вероятность его повторного появления на мировой политической карте близка к нулю.

Теоретически левые должны быть авангардом общества, деятельными, свободными индивидами, объединенными в мощные коллективы. Об этом нам говорит любая революционная теория от Маркса до Грамши. В актуальной российской действительности значительная часть левой политики строится по модели арьергардного боя вокруг вопроса о том, кто лучше защищает и соответствует интересам наиболее пассивной части общества. То есть ностальгически настроенных пенсионеров, рабочих, не способных самостоятельно создать себе профсоюзы, молодежи, которая настаивает на своем образе «социального инвалида», нуждающегося в защите со стороны государства. Тактика левых остается чрезвычайно примитивной. По сути, речь о стандартной последовательности

действий: мы обнаруживаем некий факт социальной несправедливости, распространяем информацию о нем, а затем возлагаем вину за него на государство (чаще всего государство охотно соглашается с такой постановкой вопроса, поскольку она дает ему право на интервенцию) и умываем руки. Левые сделали свое дело, наступает ход власти. Единственной нашей задачей остается мониторинг действий или бездействия государства и постоянная критика вне зависимости от степени ее конструктивности.

В качестве довольно острого примера можно привести ситуацию вокруг Единого государственного экзамена (ЕГЭ). Министерство образования, изучив зарубежный опыт, попыталось провести достаточно внятную реформу, позволившую, по крайней мере, в 2009 году сделать элитное высшее образование доступным для рядовых школьников из провинциальных российских городов. Разумеется, эта реформа имеет множество недостатков, как и большинство реальных действий в реальном мире. Конструктивная дискуссия могла бы строиться здесь вокруг того, как сделать ЕГЭ лучше. Вместо этого левые в России встали в позицию радикального отрицания любых действий правительства в сфере образования. По их мнению, нужно было оставить все как есть, и это при том, что советская система инженерного образования, сформировавшаяся 50 лет назад для обслуживания советской же индустриальной экономики, безнадежно устарела вне зависимости от общественного строя. Принципиальным

тут является тот факт, что левые атаковали ЕГЭ без какого бы то ни было реального изучения проблемы, без социологических исследований, без анализа политических перспектив этой борьбы. Левые оказались на стороне ультрареакционного ректорского лобби, основная цель которого сводится к защите собственных финансовых и коррупционных интересов в сфере образования. На первом шаге левые зафиксировали врага – им стали государственные чиновники-реформаты. На втором шаге левые стали требовать от государства вмешаться и оставить все, как было, законсервировать старые коррупционные схемы поступления в высшие учебные заведения, предполагая, что это решение является единственно возможным и достаточным.

Критика ЕГЭ остается глубоко патерналистской, поскольку: а) никто не пытался увидеть своей собственной индивидуальной и групповой ответственности за плачевной состоянии российского образования; б) не было попыток реализации локальных общественных программ, способных привести к улучшению ситуации; и, наконец, в) критики ЕГЭ не видели необходимости ни в серьезном анализе ситуации, ни в широкой общественной дискуссии по этому важнейшему вопросу. Думается, что ситуация с кампанией против ЕГЭ является типичной, так что участие левых в обсуждении других политических проблем строится по тому же сценарию.

Горизонтом систематического патернализма с неизбежностью ста-

новится политический инфантилизм и безответственность. Характерной иллюстрацией такого инфантилизма является история, упоминавшаяся у Алекса Каллиникоса: на демонстрации антиглобалистов в Сиэтле группа велосипедистов везла плакат, надпись на котором гласила: «Давайте отменим капитализм и придумаем что-нибудь получше!»

Реальная власть не имеет возможности работать в таком режиме. Роскошь «придумывать что-то получше» могут позволить себе только подростки, которые паразитируют на бесплатной инфраструктуре, предоставляемой родителями. В большом мире спектр вариантов всегда ограничен, и действовать всегда нужно немедленно и явно. Как никто другой это понимал Ленин. Давайте подумаем: можно ли представить себе Ленина, требующего от царского правительства решения его личной проблемы или какой-то социальной проблемы рабочих? Разумеется, нет. Если мы четко определились с тем, что буржуазное государство – наш враг, то мы также четко должны понимать, что рассчитывать можно только на самих себя. Вот здесь и пролегал тот глубинный разлом, который деформирует и мышление современных левых, и их политическую практику: с одной стороны левые выступают против власти капитала, но с другой стороны хотят, чтобы главным актором борьбы с ней выступало буржуазное государство. Постоянно повышая ставки в этой гонке, левые объективно способствуют усилению государства и закрепляют тем самым власть капитала.

Разумеется, для такого положения вещей есть вполне объективные причины. Главная из них – это успехи социального государства, которые мы наблюдаем в Европейском союзе (впрочем, на фоне последних событий в Греции, стоящей на грани дефолта, и других странах Европы разговоры об успехах выглядят немногим натянутыми). Однако следует помнить, какую цену мир платит за «всеобщее благоденствие» в развитых странах. В Германии несколько лет назад обсуждалась перспектива введения *Grundeinkommen* – базового социального пособия, которое выплачивалось бы всем гражданам страны вне зависимости от возраста, образования и занятости, и составляло бы около 800 евро. Сторонники этого проекта утверждают, что он не ляжет слишком уж тяжелым бременем на финансовую систему страны, и даже, возможно, позволит сэкономить – многочисленную армию чиновников, занятых в системе соцобеспечения сегодня, начисляющих десятки различных пособий, можно будет смело увольнять.

Идеология этого проекта заставляет нас посмотреть правде в глаза. Сегодня мы живем в мире, где гражданам одних стран государство может платить огромные по меркам Африки, Азии и даже России деньги просто по факту их существования, в то время как мечта китайского рабочего будет по-прежнему связана с поиском стабильной и желательной сверхурочной работы, которая позволила бы ему прокормить семью. Заботливые европейские государства дают своим гражданам много,

но что они потребуют взамен?

В том, что такое требование будет озвучено в той или иной форме, не приходится сомневаться. Левые теоретики обычно мыслят государство в рамках стандартной модели, предложенной школьным учебником по обществознанию. Согласно этой общеизвестной интерпретации, государство представляет собой лишь гибкий инструмент в руках граждан, проводник коллективной политической воли народа и больше ничего. Государственные чиновники должны рассматриваться как «слуги народа», государственные институты – как кумулятивный эффект индивидуальных интересов. Современная политическая теория убедительно демонстрирует, что инструментальный подход к государству является идеологической ловушкой.

Политолог Энтони де Ясаи в своей работе «Государство» демонстрирует, как любая государственная власть в силу своей внутренней природы склонна к экспансии, финальной точкой которой становится узурпация и контроль над всей экономической и политической активностью на данной территории. Причем у де Ясаи речь отнюдь не идет о стандартной теории «тоталитаризма», он подчеркивает нечто совершенно иное. Узурпация – это нормальное состояние государства, не важно, идет ли речь об СССР эпохи Сталина или о США эпохи борьбы с террором. Государство обладает своими внутренними имманентно присущими ему интересами, не сводимыми к интересам отдельных индивидов и социальных

групп. Аргументы де Ясаи прозрачны и убедительны, причем (случай довольно редкий!) речь идет как об исторических примерах, так и о теоретических обобщениях. В этом смысле де Ясаи, скажем, разительно отличается от Роберта Нозика, чья «Анархия, государство и утопия» является типичным примером умозрительной теории, легко опровергаемой ссылками на исторический опыт (что, впрочем, отнюдь не умаляет ценности его работы как таковой, а лишь несколько ограничивает сферу ее применения).

Выводы, которые можно сделать из чтения де Ясаи, очевидны: чем больше мы кормим государство своим доверием, своими ожиданиями и своими просьбами, тем больше у него развивается аппетит. И европейское социальное государство уже настойчиво озвучивает свои требования, которые, например, касаются охраны прав детей – одной из ключевых проблем современной европейской политики. Ребенок, рожденный в Европе, не принадлежит своим родителям. Законы наделяют его гражданскими правами, однако недееспособность делает гарантом этих прав государство: по сути, речь идет об отчуждении прав человека в пользу властей. В треугольнике отношений между государством, родителями и ребенком выстраиваются четкие юридические приоритеты: формально все заботится о правах детей, но фактически речь идет об интересах государства, заложниками которого становятся семьи. Права детей, таким образом, становятся тем плацдармом, с которого ведется наступление на

индивидуальные свободы. Россия сегодня успешно перенимает этот «передовой опыт», адаптирует его к своим собственным нуждам. Государство может отобрать вашего ребенка, потому что вы являетесь левым активистом, утверждая, что вы воспитываете его «ненадлежащим образом» – подобные случаи уже имеют место. Это будет происходить с молчаливого одобрения общества, привыкшего к тому, что государство «решает проблемы». И, к сожалению, думается, что это только начало новой государственной интервенции в частную жизнь.

Там, где Ленин говорил «мы должны сделать», «мы должны дать рабочим», мы предпочитаем говорить «государство должно сделать», «власть должна дать». Левые находятся в ловушке, затягивая на шею удавку, любезно предоставляемую государством. Государство действительно решает некоторую часть наших проблем, но взамен тут же берет себе контроль над СМИ, запускает эрозию избирательной системы, дарит нам неработоспособный парламент, неработающую правоохранительную систему. Не стоит думать, что все это делается чьими-то другими, не нашими руками. Не нужно надеяться, будто бы левые не несут ответственности за то, что происходит в нашем обществе сегодня.

В истории русской интеллектуальной культуры есть весьма любопытный и не слишком известный широкой публике эпизод. Константин Леонтьев, один из наиболее оригинальных отечественных мыс-

лителей XIX столетия, в юности, как и все люди его поколения, симпатизировал социалистам. Разрыв с левыми идеями, по словам самого Леонтьева, случился, когда он, прогуливаясь по яркой разноцветной Москве, застроенной частными домами и церквями, спросил у своего друга-социалиста, желал бы он, чтобы все люди жили в одинаковых серых жилищах, доступных каждому. «Конечно, что может быть лучше!» – воскликнул попутчик будущего философа, сделав последнего правым консерватором. Вот и мне хотелось бы спросить у левых сегодня: хотели бы вы, чтобы государство целиком взяло на себя заботу обо всех людях в обществе? Что случится, если государство выполнит все требования социалистов и вмешается везде, где оно может вмешаться?

Подобное гипотетическое будущее рисуется мне в самых мрачных тонах. Что будет с немцами, которые привыкнув к существованию банкомата на углу соседней улицы, где их всегда ждет очередная государственная подачка? Захотят ли они развиваться, брать на себя ответственность, совершать поступки и рисковать? Можно ли представить себе революционера, годами сидящего на пособии? Разумеется, мы можем использовать государство как временного союзника или инструмент в достижении наших целей. Однако не следует при этом забывать ни о его подлинной природе, ни о пределах нашего «союза». Потому что одна из главных проблем идеологии патернализма для нас заключается в том, что такое отношение к «старшему товарищу»

опрокидывается на структуру самого левого движения, в котором точно так же, как в большом мире, существует пассивная окормляемая паства и небольшая группа активных и деятельных «авторитетов». Паства постоянно ждет от лидеров решений, боясь мыслить и действовать самостоятельно, и эта ситуация вступает в резкое противоречие с базовыми принципами левой идеологии, коллективного управления.

В конце в соответствии с доброй русской традицией следует отвечать на вопрос «что делать?» Достаточно тривиальный ответ на этот вопрос состоит в том, что противопоставление индивидуализма и этицизма является ошибочным и ложным. На самом деле этицизм вполне способен интегрировать в себя самый радикальный индивидуализм, как это происходит во всех странах, где коррумпированное государство является основным работодателем и основным гарантом стабильности социального существования индивида. Выход за пределы этой дихотомии и преодоление патерналистической ловушки и «стокгольмского синдрома» любви к государству следует связывать с общественными программами коллективного действия. Требовать изменить ситуацию к лучшему нужно не от государства, но от нас самих, осознавших свои интересы и принявших программы действий по их защите. Следует помнить, что источником наших проблем и инструментом их решения почти всегда остаемся лишь мы сами.

Левая альтернатива консерватив-

ному этатизму и либеральному индивидуализму всегда и с необходимостью связана с развитием public sphere, т.е. сферы общественного, но неподконтрольного государству консенсуса. Нужно помнить об уникальности нынешней ситуации, которая весьма благоприятствует консолидации индивидов в устойчивые общественные группы. Интернет, начавшийся как военный и научный проект, работает на принципах, которые резко противопоставляются

бюрократическому аппарату национальных государств. Коммуникация в нынешнем обществе остается свободной, а ее стоимость впервые за тысячелетнюю историю цивилизации стремится к нулю. Это создает плацдарм для отказа от всяких надежд на государство: здесь левым есть чему поучиться у либертарианцев. Из политических яслей левое движение в XXI веке должно шагнуть в сферу политического предпринимательства.